

© Карякин В.В.
Karjakin V.

СТРАТЕГИИ НЕПРЯМЫХ ДЕЙСТВИЙ, «МЯГКОЙ СИЛЫ» И ТЕХНОЛОГИИ «УПРАВЛЯЕМОГО ХАОСА» КАК ИНСТРУМЕНТЫ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

INDIRECT ACTION STRATEGY OF "SOFT POWER" AND TECHNOLOGY "CONTROLLED CHAOS" AS AN INSTRUMENT OF POLITICAL SPACE REFORMATTING

Аннотация. В условиях формирования нового мирового порядка центр тяжести борьбы на международной арене переносится в информационно-коммуникационное пространство. Главными объектами концентрированных геополитических атак в процессе осуществления геополитической борьбы становятся правящие элиты стран. От государственных институтов требуется умение работать на своевременное выявление негативных тенденций в развитии международной обстановки с целью их эффективной и своевременной нейтрализации.

Annotation. Under the conditions of a new world order centroid struggle in the international arena is transferred to the information and communication space of the principal objects of concentrated geopolitical attacks in the implementation of the geopolitical struggle become the ruling elite countries. State institutions requires the ability to work on the timely identification of negative trends in the development of the international situation with a view to their effective and timely neutralization.

Ключевые слова. Стратегия, не прямое действие, «мягкая сила», технология, «управляемый хаос», инструмент, переформатирование, политическое пространство.

Key words. Indirect action strategy "soft power" technology "controlled chaos" tool reformatting political space.

Характерной чертой конца XX – начала XXI веков является критическая зависимость устойчивости государственных институтов от применения информационно-сетевых технологий разрушения основ государственности, которые позволяют решать военно-политические задачи по смене правящего в стране режима не за счёт применения вооруженных сил и разрушения экономического потенциала страны, а за счёт воздействий на морально-психологическое состояние её населения.

Глобализация, одной из особенностей которой является быстрое развитие и распространение информационных технологий и социальных сетей, обеспечила распространение представлений о том, какие порядки, социальные отношения и какой уровень жизни следует считать достойным, сыграла большую роль в инициировании протестных движений населения в неблагоприятных в экономическом отношении странах[1].

Стратегии не прямых действий и «мягкой силы» в настоящее время являются наиболее эффективными средствами ведения геополитической борьбы на международной арене, которые используются в целях ослабления реальных и потенциальных государств-противников [2]. Несмотря на богатую историю применения данных стратегий, начиная с античных времён и до наших дней, в эпоху постмодерна они приобрели новое содержание в ходе осуществления «цветных революций» на постсоветском пространстве и протестных выступлений в Северной Африке и на Ближнем Востоке в последние десятилетия.

Термин «стратегия не прямых действий» был введен в научный оборот известным английским военным теоретиком и военным историком Б. Лиддел Гарттом. Данное понятие было сформулировано им в работе, вышедшей двумя изданиями в 1941 и 1946 гг. в Лондоне под на-

Карякин Владимир Васильевич – кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник, Центр оборонных исследований Российского института стратегических исследований, тел. 8(495)543-36-76.

Karjakin Vladimir – candidate of military sciences, senior researcher, Centre for defence studies of the Russian institute for strategic studies, tel. 8 (495) 543-36-76.

званием «Стратегия не прямых действий». Затем эта книга была переиздана в 1954 г. в США и называлась «Стратегия». В трактовке Б. Лиддел Гарта концепция стратегии не прямых действий распространялась на сферу вооруженного противоборства, которую он считал наиболее эффективным способом решения международных проблем. В ходе войны, по его мнению, в целях достижения скорейшей победы над противником необходимо сосредоточить свои силы для нанесения массированных ударов главным образом по тыловым объектам и коммуникациям вражеской армии, в ходе которых разрушалась материальная база и транспортная инфраструктура в тылу противника, на которые он опирается в ходе войны. Это лишает армию «вражеского» государства возможности эффективно сражаться и оказывать длительное сопротивление. При этом в отличие от взглядов К. фон Клаузевица Б. Лиддел Гарт считал, что главной целью войны является не полное уничтожение вооруженных сил вражеского государства и его экономического потенциала, а принуждение правящих кругов «враждебной» страны (или даже нескольких государств-противников) к принятию таких условий, которые бы полностью отвечали политическим, экономическим, военным интересам государства-агрессора [3].

Что касается истории появления другой, родственной по целям стратегии «мягкой силы» (soft power), то её автором был известный американский политолог и специалист-системщик Д. Най, который расширил сферу действия стратегии не прямых действий за счёт привлечения арсенала политических, дипломатических, экономических, психологических и информационных методов для подрыва основ государственного строя страны, подлежащей политической трансформации. Вместе с тем, следует отметить, что в настоящее время в американском политическом лексиконе появился ещё один близкий по значению синоним данной стратегии – «умная сила» (smart power) [4].

В России научное сообщество обратило внимание на стратегии не прямых действий и «мягкой силы» в конце 1980-х гг., которые были обозначены как «организационное оружие», закреплённое в российском политическом лексиконе известным отечественным писателем, публицистом и общественным деятелем А.А. Прохановым. Кроме него, важную роль в процессе осмысления данной технологии геополитической борьбы и популяризации термина «организационное оружие» также сыграли известные отечественные специалисты в области системного управления С.П. Никаноров [5] и С. Кургинян [6].

Анализ работ англо-американских [7] и отечественных [8] исследователей относительно концептуального содержания современных стратегий межгосударственного противоборства показывает, что стратегии не прямых действий и «мягкой силы» – это особые технологии осуществления геополитической борьбы, ориентированные на завоевание господства над «вражеским» государством на основе установления всеохватывающего и при этом скрытого контроля над механизмом формирования и практической реализации внутренней и внешней политики страны, ее политико-управленческой, социально-экономической, оборонной, культурно-идеологической и другими ключевыми сферами, а также самими процессами ее дальнейшего развития путем использования для решения такого рода задач специально разработанных «непрямых» организационных воздействий и мероприятий «манипулирующего» и «подрывного» характера. Согласно данной стратегии геополитического противоборства, давление агрессора на страну-жертву может осуществляться как при отсутствии прямой конфронтации и сохранении официально «дружественного» характера отношений с ней, так и в условиях открытого конфликта, в том числе и вооруженного. Вместе с тем, данная технология геополитической борьбы предполагает, что достижение всего комплекса указанных целей агрессор осуществляет путем сосредоточения усилий на установлении контроля над административно-политическим аппаратом государственной системы страны-объекта воздействия. Поэтому главным объектом концентрированной геополитической атаки со стороны агрессора в процессе осуществления геополитической борьбы по данной концептуальной модели становится правящая элита страны-жертвы, а также силовые структуры государства, главной целью которой является установление контроля над элитой страны-жертвы посредством скрытого манипулирования поведением конкретных людей и социальных групп, имеющих непосредственное отношение к определению политики государства и практического проведения в жизнь внутри- и внешнеполитических решений.

Технология сокрушения «враждебных» государств посредством стратегий не прямых действий и «мягкой силы» строится на основе следующих базовых идей и подходов:

- использования как «открытых», так и «скрытых» форм и методов воздействия, избегая открытой конфронтации и прямого силового столкновения с противником. Основополагающее значение при этом имеет применение против атакуемой стороны в первую оче-

редь так называемых «скрытых» или «подрывных» технологий и инструментов для того, чтобы добиться внутреннего разрушения государства-противника;

- обеспечения абсолютного господства государства-агрессора над государственной системой атакуемой страны и лишение ее таких важнейших геополитических факторов, как экономическая и ресурсная самодостаточность и способность к устойчивому развитию. Это может быть достигнуто путем искусственного создания агрессором в государственной системе страны-жертвы особого пространственно-организационного механизма обеспечения так называемого «внешнего управления», который позволил бы ему установить постоянный тотальный, но при этом опосредованный и скрытый контроль над процессами жизнедеятельности атакуемой стороны, а также возможность желаемой трансформации общественно-политической системы государства-жертвы в соответствии с собственными интересами и целями. Таким образом, согласно данной модели, стратегия не прямых действий – это возможность достижения государством-агрессором геополитической победы в процессе противоборства. Это должно означать не только физическое разрушение самого института государственности страны-жертвы, что ведёт к завоеванию её территории и ресурсов, но и изменение цивилизационной, конфессионально-культурной и национальной идентификации её народа. При этом следует подчеркнуть, что такая победа в ходе геополитического противоборства, в отличие, например, от победы в войне, является абсолютной необратимой, т.е. исторически неоспариваемой ввиду отсутствия оспаривающей стороны вследствие её ухода с исторической арены;

- воздействия государства-агрессора на государственную систему страны-жертвы, осуществляемого по двум направлениям: внешнеполитическим давлением и внутренней трансформацией системы, ориентированных на проецирование разрушающей деятельности государства-агрессора непосредственно на государственную структуру страны-жертвы. В качестве главного объекта трансформации, выступает политико-административный компонент атакуемой государственной системы, в котором критически важным звеном является её правящая элита, которая рассматривается правящими кругами государства-агрессора как враждебная, олицетворяющая политический режим, который необходимо уничтожить или трансформировать таким образом, чтобы новая модель государственной системы «враждебной» страны в конечном итоге позволяла бы агрессору полностью уничтожить ее как самостоятельный центр

силы на международной арене при достижении тотального контроля над процессами функционирования государственной системы и механизмами её развития.

При этом трансформация государственной системы с помощью указанных инструментов строится на принципах сетцентричности воздействий со стороны так называемого «роя» враждебных сил. Это означает нанесение стране-жертве как на международной арене, так и внутри ее государственной системы внезапных, множественных, изматывающих и при этом неуловимых, взаимосвязанных по месту и времени, внешне незначительных по масштабам и усилиям, но в то же время точечных ударов по критически важным, уязвимым и слабо защищенным элементам государственной системы атакуемой страны [9].

Общая стратегия концентрированной атаки государства-агрессора против страны-жертвы, которая была разработана специалистами во многом под влиянием тех научных результатов, которые были получены учеными-синергетиками, концептуально должна быть ориентирована на то, чтобы на достаточно длительный период полностью лишить государственно-геополитическую систему «вражеского» государства самой возможности постоянно и последовательно поддерживать устойчивое развитие в соответствии с национальными интересами с целью создания социально-политического хаоса как главного условия, необходимого «агрессору» для осуществления последующего разрушения и трансформации государственной системы в соответствии с принципами, которые полностью отвечали бы его геополитическим интересам [10].

«Цветные революции» последних десятилетий показывают, что реализация стратегий не прямых действий и «мягкой силы» осуществляется в следующей последовательности [11]:

- на первом этапе основные усилия агрессоров сосредотачиваются на дестабилизации социально-политической и экономической систем страны-жертвы путем создания масштабного системного кризиса и погружения ее в состояние «управляемого хаоса», что делает правящую элиту «враждебной» страны и связанный с ней политический режим уязвимым для внешнего давления. При этом главной целью дестабилизирующих действий агрессора является создание в стране-жертве агрессии подконтрольного внешним силам «центра влияния» в лице оппозиционных сил, нарастающих противодействие правящему режиму вплоть до начала вооруженной борьбы. Для решения данной задачи агрессор находит в среде правящей элиты «враждебной» страны сторонни-

ков, которые становятся исполнителями трансформации политической системы;

- на втором этапе главное направление геополитического воздействия агрессора заключается в создании условий «управляемого хаоса» внутри трансформируемой государственной системы с целью формирования аттрактора, представляющего собой оппозиционный центр, способный взять на себя управление страной при смене власти;

- на третьем этапе геополитического наступления агрессор сосредотачивает свои усилия на создании новой государственной системы в стране-жертве с опорой на оппозиционные политические силы как основу будущего государственного устройства. Примерами тому могут служить попытки государственного строительства со стороны США и их союзников на территориях бывшей Югославии, Грузии, Ирака и Афганистана;

- на завершающем, четвёртом, этапе геополитического захвата территории агрессор решает задачу упрочения государственных институтов подконтрольной страны за счёт формирования, обучения и оснащения силовых и административных структур государства-жертвы.

Это обеспечивает закрепление побеждённой страны под контролем так называемых «внешних системных связей», обеспечивающих её включение в экономическую, финансовую, политическую, военную, научно-техническую и информационно-культурную сферы агрессора и находящиеся в сфере его влияния международные организации на правах подчинённого элемента.

При этом общая результативность «атакующего» и «разрушающего» воздействия агрессора на социально-политические системы государств, подлежащих трансформации, при помощи стратегий не прямых действий и мягкой силы, безусловно, является значительно большей, чем у «прямых технологий» межгосударственного противоборства. При этом стратегия не прямых действий ведения геополитической борьбы обладает превосходством над так называемыми «прямыми действиями» (т.е. военным вмешательством) по следующим основным параметрам:

- с точки зрения критерия «стоимость-эффективность» она позволяет минимизировать затраты на проведение геополитической операции при достижении оптимального баланса показателей «прибыль – риски»;

- агрессор имеет возможность регулировать масштабы разрушения экономической системы враждебной страны, а также ограничить потери её людских ресурсов

в целях их дальнейшего использования в своих интересах;

- применение стратегии не прямых действий позволяет государству-агрессору избежать в будущем попыток пересмотра со стороны государства-жертвы результатов данной агрессии ввиду его исчезновения с исторической арены.

Что касается особенностей применения стратегии «мягкой силы», то здесь следует отметить, что сферой её действия является информационное и конфессионально-культурное пространство страны-жертвы агрессии, включающие средства массовой информации, общественные благотворительные и религиозные организации, учреждения образования и культуры, неправительственные организации и фонды, а также общественные и политические движения. В рамках данной стратегии решается задача подрыва основ государственного строя путём реформирования ментального пространства населения конкретной страны, осуществляемого посредством так называемой «распределённой атаки» путём нанесения многочисленных, точечных разрушающих воздействий по общественной системе государства.

Эффективными инструментами информационных технологий, используемых в стратегии «мягкой силы», являются так называемые «информационные бомбы» и «информационные мины». Первые используются в качестве детонаторов лавинообразного нарастания протестного движения в обществе, а вторые закладываются заранее и приводятся в действие в нужный момент для доведения социально-политического процесса до желаемого результата, а «утечки» информации из таких сайтов как «Викиликс» и публикации в СМИ компрометирующих материалов на общественных и политических деятелей можно назвать «информационными минами».

Благоприятной средой для ведения подрывных операций является появление в современных обществах значительной общественной прослойки людей с негармонизированным внутренним миром, которых называют «новыми люмпенами». Это деклассированные представители социума с утерянными социальными и конфессиональными корнями, без чётких нравственных принципов, политических ориентиров и исторической памяти. Такие люди в поисках своего места в жизни становятся участниками разного рода движений, наподобие демонстраций на площади Тахрир в Каире, Болотной площади или на проспекте Сахарова в Москве. Организаторы протестных акций стремятся направить их энергию в русло антиобщественных акций для реализации своих политических амбиций. Получив образование, но не найдя применения своим силам и способностям, такие люди нахо-

дятся в постоянном поиске своего места в жизни. У них зачастую отсутствует внутренний моральный стержень и социальная ответственность за судьбу своей страны. Поэтому неудивительно, что под влиянием атмосферы социальных сетей такие люди попадают под влияние политтехнологов «цветных революций», которые не имеют ни актуальной политической программы, ни поддержки широких слоёв населения страны.

Произошедшие на постсоветском пространстве и на Ближнем Востоке «цветные революции» являются следствием разработанной в Соединённых Штатах теории «управляемого хаоса» (или как ещё её называют – теории «контролируемой нестабильности»), авторами которой являются Дж. Шарп (автор книги «От диктатуры к демократии») и Ст. Манн (автор книги «Теория хаоса и стратегическая мысль»), на основе которых была разработана технология смены политических режимов, базирующаяся на следующих принципах [12]:

- объединении в нужный момент и в определённых местах всех политических сил, выступающих против существующего законного правительства;
- подрыве уверенности руководства страны в своих возможностях по стабилизации обстановки и лояльности силовых структур;
- последовательной работе по дестабилизации обстановки в стране путём инициирования и поддержки протестных настроений, культивируемых в маргинальных слоях общества с целью подрыва легитимности существующего политического режима;
- инициировании смены власти путём оспаривания результатов выборов (зачастую ещё до их завершения), организации актов гражданского неповиновения, палаточных городков, «маршей миллионов».

Практически во всех странах, вовлечённых в хаос массовых беспорядков, «стихийный» флэш-моб толпы был организован посредством рассылки сообщений о намечающихся митингах и протестных акциях через социальные сети и электронную почту, а также на мобильные телефоны. Произошедшие в последние годы «цветные революции» на постсоветском пространстве и на Ближнем Востоке следует квалифицировать не как революции, а как «хаосомытежи», замаскированные под стихийные выступления народа в целях смены неугодных внешним силам политических режимов.

На фоне объективно созревших и не находящихся разрешения внутренних социально-экономических и политических проблем в отдельной стране, для смещения правящего режима осуществляется новая форма внешней агрессии против независимого государства с исполь-

зованием стратегии «мягкой силы» путём поддержки внутренней оппозиции и манипулирования общественными настроениями. Так было в Югославии, Украине, Грузии, Киргизии, Ливии, осуществляется в Сирии и планируется реализовать в России. При этом следует признать, что силы, организующие данные акции, находят опору в определённых слоях населения, которые используются только как орудие политической борьбы. Главной задачей оппозиции является устранение с политической арены неугодных лидеров для удовлетворения своих политических амбиций с использованием политических, финансовых а иногда и военных ресурсов внешних инициаторов данных политических процессов.

Под влиянием современных политических и психологических технологий воздействия на ментальную сферу человека человеческий социум стал взрывоопасно насыщен людьми с крайне негармонизированным мотивационным внутренним миром. Это относится, прежде всего, к арабским странам, в которых появился значительный слой «молодых люмпенов», представляющих собой деклассированную социальную массу с утерянными социальными корнями, без чётких нравственных понятий и политических ориентиров. У таких элементов появляется благоприятная возможность проявить свои антиобщественные протестные настроения, в основе которых лежат завышенные, нереализованные амбиции. Такие люди, находясь в постоянном поиске своего места в кланово-иерархической социальной среде без социальных лифтов, неизбежно попадают под влияние социальных сетей, настроений уличной толпы или идеологов радикальных движений. И если у таких людей отсутствует внутренний моральный стержень, то невозможно представить, какие мотивы возобладают у них в следующий момент времени. Тем более, что освещающие эти события СМИ и информация в социальных сетях создают обстановку массового психоза: «прямые» репортажи, снятые на камеры сотовых телефонов неизвестно кем и неизвестно где, сообщения о многочисленных жертвах, как будто бы павших от рук правительственных сил, но не показанных из гуманных соображений, репортажи из якобы захваченных повстанцами городов, беспорядочная стрельба из пулемётов для демонстрации обстановки боевых действий перед телекамерами СМИ, слухи о «переходе» на сторону повстанцев представителей высшего руководства страны. Однако если внимательно приглядеться, то видно, что в СМИ разыгрывается виртуальная война, смонтированная и отретушированная на компьютерах и вброшенная в виртуальное пространство для обоснования санкций Совета Безопасности ООН и по-

следующей интервенции сил НАТО.

Если Тунис и Египет были первыми пробами за океанских режиссёров этого псевдореволюционного спектакля, то Ливия была первой реальной боевой операцией мировой информационно-сетевой войны Запада против неугодного режима. На Балканах, в Афганистане и Ираке Вашингтон использовал, главным образом, силовые средства и методы глобального передела мира, имеющих целью смену политических режимов в странах, представляющих стратегический интерес для США и в целом для Запада. В отношении Ливии ситуация была совершенно иной. Запад попытался использовать фактор социальной энтропии и хаоса для приведения к власти лидеров нового поколения, идущих на смену тем, кто в свое время получил образование и воспитание в СССР. В Вашингтоне и Париже рассчитывали привести к власти технократов с западным менталитетом, которые должны были вытеснить Китай и Россию из региона Ближнего и Среднего Востока.

При этом оппозиционные силы не прибегают к использованию сложных технологий. Структура государственной власти последовательно расшатывается изнутри на всех уровнях в форме стихийного выступления толпы, требующей перемен. Целью данных акций является создание обстановки, когда под напором протестующих масс власть потеряет контроль над ситуацией в стране на фоне нерешительности силовых структур.

История свидетельствует о том, что страны, в которых были организованы «цветные революции» в соответствии со стратегией «мягкой силы», оказались неспособными к самостоятельному государственному строительству. Примерами тому являются Афганистан, Ирак, Косово, Египет, Ливия, Киргизия, политические институты которых до сих пор находятся в стадии формирования. Это и является целью организаторов «цветных революций», когда страна победившей оппозиции принуждается к переходу под внешнее политическое и экономическое управление.

Особенно уязвимой по отношению к применению технологии «управляемого хаоса» является молодёжь, подвергающаяся массовой информационной атаке со стороны СМИ и образовательных учреждений, число которых неоправданно увеличено за счёт разного рода университетов, институтов, колледжей, лицеев, программ стажировок и курсов, действующих в рамках неправительственных организаций, фондов и грантов, финансируемых или материально поддерживаемых из-за рубежа. Основной задачей данных образовательных учреждений является разрушение традиционных соци-

альных моделей, включая трансформацию мировоззренческих основ обучаемых. В сознании молодёжи вышеупомянутые структуры занимают место формирования неприятия существующего в стране положения дел с указанием конкретных адресатов. Наряду с этим стимулируется рост уровня ожиданий, личностных амбиций, претензий, не подкреплённых не только реальными возможностями экономики страны, но и зачастую выходящими за рамки разумного. В общественном сознании вышеупомянутые структуры зачастую занимают место формирования неприятия существующего в стране положения дел, что находит выражение в попытках разработки в учебных заведениях проектов расчленения России. Зачастую у получившей диплом о высшем образовании молодёжи формируется необоснованный рост уровня ожиданий, амбиций и претензий на особое положение и значимость в обществе, не подкреплённых не только экономическими реалиями, но и зачастую выходящими за рамки интеллектуальных и физических возможностями конкретных претендентов.

Особое значение в инструментарии информационно-сетевых стратегий «мягкой силы» и технологий «управляемого хаоса» имеют методы упрощенчества и стереотипизации информации, подача которой способствует формированию не критичной оценки происходящих событий. Нормой в подаче информации современными СМИ является формирование потребительских потребностей населения, отрицание социальной ответственности личности перед обществом, пропаганда преобладания её прав над соблюдением морально-нравственных и этических норм. Всё это способствует примитивизации информационно-культурных запросов населения и снижению интеллектуального потенциала нации в целом.

Выдающийся французский мыслитель Алексис де Токвиль ещё в 1856 г. в работе «Старый порядок и революция» сформулировал несколько важнейших законов революционного развития. Первый сводится к тому, что «с ростом благосостояния резко возрастает и уровень социальных притязаний». Справедливость данного положения подтверждают социологические исследования, показывающие, что бедность сама по себе редко становится причиной социально-политических протестных движений. Недовольство людей часто проистекает не от ухудшения их материального положения, а, наоборот, от его улучшения, но такого, которое меньше ожидаемого, или меньшее по сравнению с таковым в других социальных группах или странах [13]. Как отмечал А. Токвиль, когда в обществе становится меньше произвола, жестокостей и репрессий со стороны властей, у народа возрастает жела-

ние обретения полной свободы и гражданских прав.

Второй закон Токвиля касается стран, в которых имеют место процессы демократизации, но отсутствует традиция демократии, а население придерживается традиционной политической культуры. В таких странах политические реформы разрушают господствующий веками уклад, что приводит к резкой поляризации социальных сил с последующей дестабилизацией политической системы. «В результате вместо демократических институтов и ценностей в этих странах может установиться ещё худшая форма тиранической власти, чем была до начала реформаторской деятельности» [14].

Несомненно, любое массовое протестное движение возникает на фоне острой неудовлетворённости значительной части населения своим положением и невеликим в возможности его улучшения при существующем режиме. Современная теория «относительного ухудшения положения социальных групп» (relative deprivation theory) говорит о том, что в наиболее бедных странах революций, как правило, не происходит. Они происходят в странах, где уже имеются успехи в экономическом развитии, но они отстают от опережающего роста соответствующих ожиданий населения. Это подтверждают события в Египте и Ливии.

При этом необходимо учитывать то обстоятельство, что противник с целью маскировки своих намерений придерживается тактики «отложенной угрозы». Для этого осуществляется дезориентация объекта информационной агрессии путём маскировки своих действий под модернизацию политической системы, построение гражданского общества, поощрение реформ в области образования, социального обеспечения, планирования семьи, ювенальной юстиции [15] и др., что вносит чувство самоуспокоенности и уверенности народа в том, что развитие общества идёт в правильном направлении.

Противодействие властей подрывным действиям оппозиции состоит в необходимости ограничения области её активности в пределах своей «правозащитной» аудитории, социальных сетей и Интернета. Именно в этих средах от оппозиционеров требуют немедленной реакции на действия властей. С этой целью власть должна регулярно подбрасывать оппозиции темы, инициирующие недовольство людей, принадлежащих к оппозиционным группам населения. Для оппозиции данные сюжеты приобретают приоритетное значение, вследствие чего она становится заложницей своей «правозащитной» аудитории и не позволяет ей выйти на более широкие социально-экономические темы. Очередной арест, суд или инициатива парламента вызывают возмущение

оппозиционно настроенных граждан, назначается митинг, затем подводят итоги, после чего появляется повод для новой акции. Оппозиция не выходит из очерченного властью круга, что вполне устраивает правящую элиту, которая де-факто определяет и формирует повестку для оппозиции, которая в отсутствии харизматических лидеров и программы не в силах разорвать эту сложную и многослойную зависимость. Власть, в свою очередь, сохраняет широкое поле для манёвра. В случае, если акция власти не срабатывает и вброшенная тема вызывает негативную реакцию за пределами протестного кластера, у власти всегда есть возможность решить данный вопрос по-другому.

Стратегия властей по противодействию информационным технологиям стратегии «мягкой силы» состоит в широком и оперативном распространении достоверной информации о положении дел в стране. Важным моментом здесь является переход с чужого языка образов и символов на традиционный язык интерпретации событий в рамках собственной идеологической и культурно-конфессиональной системы терминов и понятий, а также умение задавать свои правила игры и отстаивать собственную интерпретацию событий в рамках глобального информационного поля.

В то же время власти должны понимать, что революции, восстания масс, заговоры и перевороты, конфликты являются проявлениями социального хаоса, в условиях которого происходит самоорганизация политической системы. Хаос является генератором новой информации, новых знаний, социальных реформ и инноваций, которые должны быть осознаны властью с целью выявления зарождающихся тенденций и выстраивания политики, адекватной сложившимся обстоятельствам. Политической элите надо понимать, что социальный хаос, перерастающий в социальную войну населения против существующего порядка, выраженную в стремлении лидеров оппозиции всеми доступными способами свергнуть правящий режим, начинает проявлять своё разрушительное действие вследствие застоя, как это имело место в Тунисе, Египте, Ливии, Сирии и Йемене. В это время социально-политическая система становится чрезвычайно чувствительной к любым воздействиям, пробуящим её на прочность.

Опыт организации «цветных революций» последних десятилетий показывает, что информационные технологии воздействия на сознание и настроения масс стали важным фактором управления социально-политическими процессами, в которых каждый социальный индивид, благодаря социальным сетям, сотовой свя-

зи и Интернету, получил возможность непосредственно участвовать в политических процессах.

Поэтому в свете применения технологии «управляемого хаоса» протестные движения, происходящие на Ближнем Востоке и в Северной Африке, следует квалифицировать не как революции, а как «хаосомятежи», т.е. замаскированное под стихийное выступление маргинальных социальных групп, организованное и вдохновляемое извне и направленное на свержение существующего режима с применением насилия. При этом, если в течение относительно мирной фазы протестного движения, осуществляемого путём демонстраций, не удаётся решить задачу свержения режима, то реализуется вторая фаза, проводимая в форме вооруженного восстания с привлечением внешних сил, обеспечивающих поддержку оппозиционных сил в форме проведения военной операции, как это имело место в Ливии и Сирии. В политической терминологии, если отвлечься от лозунгов защиты демократии, прав человека и мирного населения от преступлений правящего режима, такая форма «революционной» борьбы квалифицируется как «узурпация власти» или «насильственный захват власти вооруженным путём».

Отличительной особенностью сетевых структур является наличие единой идеологической основы и стратегической цели при отсутствии чёткого планирования на уровне низовых звеньев. Средства массовой информации и социальные сети являются важнейшими средами для проведения информационно-сетевых операций. Здесь используются такие методы, как поиск отрицательной и компрометирующей информации недобросовестными журналистами и экспертами, корыстные интересы или некомпетентность которых состоит в искажении первичной информации, являющейся притягательной для читателей и зрителей бульварных СМИ. Объектами таких информационных воздействий является маргинальные слои населения страны, молодежь и часть интеллигенции, относящая себя к профессиональным диссидентам.

Особая роль в деле разрушения государственности принадлежит СМИ, которые в нестабильных социальных системах могут оказать как стабилизирующее, так и деструктивное воздействие на обстановку в обществе. При целенаправленном разрушении государственной системы муссируется негативная информация и нагнетаются социальные фобии, что ведёт к невротизации общественной обстановки и искаженному восприятию людьми окружающего мира. Люди начинают жить в мире иллюзий и мифов, созданных СМИ, власть будет не способна адекватно реагировать на внутренние и внешние

вызовы, а правительство такой страны будет нуждаться в постоянной внешней поддержке [16].

Американские адепты теории хаоса проецируют её положения на политическую практику в следующем виде [17]:

- возможность обеспечения социально-политической стабильности в обширных регионах планеты иллюзорна и не может быть целью политики США ввиду чрезмерных экономических и военных затрат на её поддержание;
- американские национальные интересы можно обеспечить более экономно при меньших затратах путём проведения гибкой политики, «плавающей между островами порядка в мире политического хаоса»;
- Соединённые Штаты должны поощрять изменения на постсоветском пространстве и в арабо-исламском мире, не препятствуя нарастанию кризисных явлений;
- находящиеся в точках бифуркации, т.е. в состоянии трансформации, социально-политические системы государств, проблемных, с точки зрения Вашингтона, регионов можно обрушить путём применения информационных, политических и психологических технологий по жизненно важным узлам её структуры государства, обеспечивающим её устойчивость;
- не следует препятствовать движению государств к состоянию нестабильности, необходимо способствовать трансформации международной системы путём её фрагментации, что отвечает национальным интересам США.

Вышесказанное подтверждается политикой Вашингтона последних десятилетий. По мнению американских политиков, социально-политическая стабильность и международная безопасность в мире являются для американцев непозволительной роскошью, на поддержание которой не следует расходовать ресурсы. Обстановка «управляемого хаоса» в проблемных регионах планеты отвечает национальным интересам Соединённых Штатов.

Осознав неизбежность революционных потрясений в арабском мире и ограниченность своих ресурсов для проведения политики сохранения международной безопасности в таком жизненно важном для США регионе, как Ближний и Средний Восток, Вашингтон взял курс на поощрение роста социальной энтропии и развал политических систем государств данного региона, что дало Вашингтону преимущество первого хода, которое определяет правила дальнейшей игры на геополитической шахматной доске и служит залогом поддержания американского глобального лидерства.

Вышесказанное заставляет задуматься о возможных стратегиях противодействия американским страте-

гиям непрямым действиям, «мягкой силы» и технологиям «управляемого хаоса», которыми могут быть:

1. Стратегия поддержания бдительности по отношению к явным и скрытым, внешним и внутренним угрозам безопасности страны. Общество должно сознавать реальные и потенциальные опасности для безопасности страны и своевременно на них реагировать, поскольку отражение угроз требует значительного времени на мобилизацию ресурсов и проведение соответствующих мероприятий. Иными словами, это можно выразить наличием оборонного сознания у народа, которое должно охватывать военную, идеологическую, когнитивную, информационную и профессиональную области существования социума.

Но оборонное сознание само по себе не приходит, если не определены явные и скрытые противники. С военными угрозами дело обстоит достаточно просто, хотя и этот вопрос в настоящее время требует глубокой аналитической проработки и сценарного анализа [27–29]. Относительно четырёх других вышеупомянутых областей, то распознавание в них угроз и вызовов невозможно без знания технологии информационных войн, политических технологий, теории «управляемого хаоса» и функционирования сетевых структур. Ситуация для обороняющейся стороны осложняется тем, что противник с целью маскировки придерживается стратегии «отложенной угрозы». В этом плане осуществляется дезориентация противника путём мимикрии угроз под модернизацию политической системы, построение гражданского общества, поощрение реформ в области образования, социального обеспечения, планирования семьи, ювенальной юстиции и др. с целью внедрения в сознание народа чувства самоуспокоенности и уверенности в движении общества по пути прогресса [31].

2. Стратегия обеспечения устойчивости государственных и социальных институтов и общественного сознания по отношению к попыткам внешних и внутренних сил деформировать и трансформировать идеологическую и идентификационно-культурную матрицу социума.

Решение данного вопроса находится в создании собственных сетевых структур, охватывающих информационную (это касается, в первую очередь, СМИ), кон-

фессиональную (это относится к руководителям основных конфессий России) и идеологическую сферы общества, контроль деятельности в которых необходимо возложить на соответствующие органы исполнительной власти.

3. Стратегия информационного управления информационно-сетевым противоборством состоит в широком и оперативном распространении достоверной информации о положении дел в стране. Важным моментом здесь является переход с чужого языка образов и символов на свой язык интерпретации событий в рамках собственной системы идеологических и культурно-ценностных аксиом, а также умение задавать свои правила игры и удерживать интерпретацию событий в рамках своего информационного поля.

4. Стратегия анализа и доведения до массового сознания информационно-сетевых технологий разрушения государственности и культурно-конфессиональной идентичности нации.

5. Стратегия поддержания на необходимом уровне индекса социального оптимизма у населения, государственного аппарата и силовых структур на основе формирования национальной идеи, национальной идеологии, успехов в области защиты государственности и национальных интересов страны.

Это делает актуальным внесение в доктрину национальной безопасности Российской Федерации подходов к идентификации угроз и вызовов национальным интересам и национальной безопасности России на ранних стадиях их зарождения. В условиях формирования нового мирового порядка, когда центр тяжести борьбы на международной арене переносится в информационно-коммуникационное пространство, от государственных институтов требуется умение работать на своевременное выявление негативных тенденций в развитии международной обстановки с целью их эффективной нейтрализации. Отсутствие в государственной системе соответствующих организационных структур и разработанных концепций обеспечения национальной безопасности, адекватных реалиям геополитического противоборства, обрекает страну на утрату своего суверенитета и её разрушение как самостоятельного государственного образования.

Литература

1. Гринин Л.Е. *Арабская весна и реконфигурация мир-системы. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: арабская весна 2011 года / Отв. ред. А.В. Коротаев, Ю.В. Зинькина, А.С. Ходунов.* - М.: Издательство ЛКИ, 2012. - С. 188-223.
2. Карякин В.В. *Россия как цель реализации стратегии «непрямых действий».* 29.01.2013. - <http://www.imperiya.by>.
3. Лидделл Гарт Б. *Стратегия непрямых действий.* Пер. с англ. - М.: Астрель; Владимир: ВКТ, 2012. - С. 476-478.
4. Най Дж. *Современный мировой беспорядок // США: экономика, политика, идеология.* - М., 1993. - № 2.
5. *Организационное оружие Спартак Никанорова.* - <http://www.corporu/node/640>.

6. Кургуинян С. Организационное оружие // *Завтра*. - М., 2007. 2 мая.
7. Швейцер П. Победа. Роль тайной стратегии США в распаде Советского союза и социалистического лагеря. - Мн., 1995; Haas R.N. *Think tanks and U.S. Foreign Policy: A Policy – Maker’s Perspective*. - <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpe/pj73baass.htm>.
8. Стратегическая информационная война. - М., 1996. - 79 с;
9. Цымбал Л.А. Синергетика информационных процессов. - М.: 1995. - 119 с;
10. Давыдов Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // *Международные процессы*. - М., 2004. - Т.2, № 1(4).
11. Шамин И.В. Концептуальные особенности «стратегии не прямых геополитических действий» как «непрямой технологии» осуществления межгосударственного противоборства // *Нижегородский журнал международных исследований*. 2010. - Осень-зима;
12. Смолян Б., Цыгичко В., Черешкин Д. Оружие, которое может быть опаснее ядерного // *Независимое военное обозрение*. 1995. - № 3.
13. Edward A. Smith, Jr. *Effect-based Operations. Applying Network-centric Warfare in Peace, Crisis and War*. – Washington (DC): Dod CCRP, 2002.
14. Панарин И.Н. Информационная война: теория и практика // *Кадровая политика*. 2002. - № 2.
15. Шамин И.В. «Цветная (бархатная) революция» как технология осуществления геополитического противоборства в условиях постбиполярного мира. // *Материалы межрегиональной научной конференции*. - Н. Новгород: ННГУ, 2008.
16. Mann S.R. *Chaos Theory in Strategic Thought* // *Parameters*. 1992. - Vol. 22, Autumn. - P. 54-68;
17. Шашков С. Джин на верёвочке или проверка практикой теории «управляемого хаоса» / Фонд стратегической культуры. 28.02.2011. - www.imperiya.by;
18. Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения / Институт им. А. Эйнштейна. - http://www.aeinstein.org/organizations/org/FDTD_Russian.pdf;
19. Шарп Дж. Роль силы в ненасильственной борьбе // *Вопросы философии*. – М., 1992. - № 8.
20. Пономарёва Е. Вирус революции и законы Токвиля / Фонд стратегической культуры. 1 марта 2011 г. - <http://www.imperiya.by>.
21. Мигранян А.М. Россия в поисках идентичности. - М.: *Международные отношения*, 1997. - С. 40.
22. Миронов В. Болонский процесс и национальная система образования // *Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций»*, Вестник. М.: 2006. - № 1;
23. Медведева И.Я., Шишова Т.Л. Троянский конь ювенальной юстиции // *Наши современник*. 2006. - № 5;
24. Медведева И.Я., Шишова Т.Л. Демографическая война против России. Демография, планирование семьи и геноцид: аналитический доклад. - <http://www.pravoslavie.ru/analit/global/demograf.htm>.
25. Проверка практикой теории «управляемого хаоса». - <http://www.imperiya.by/club4-9230.html>.
26. Манн С. Реакция на хаос. - <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=175>; Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление. - <http://geopolitica.ru/articles/890>.
27. Приходько О.В. *Дискуссия по ПРО: Россия-США-НАТО* / Институт США и Канады. – М., 2011;
28. Дьяков А., Кадышев Т., Подвиг П. Ядерный паритет и национальная безопасность в новых условиях // *Научные записки ПИР-центра*. – М., 2000. - № 14, май. - С. 40-47;
29. Буренок В.М., Печатнов Ю.А. *Стратегическое сдерживание*. - М.: ИГ Граница, 2011. - 184 с;
30. Храмчихин А. Угрозы XXI века. России вряд ли удастся избежать экспансии Китая в том или ином виде // *Национальная оборона*. 2011. - № 7-8.
31. России вряд ли удастся избежать экспансии Китая в том или ином виде // *Национальная оборона*. 2011. - № 7-8.

Материал поступил в редакцию 9. 07. 2014 г.